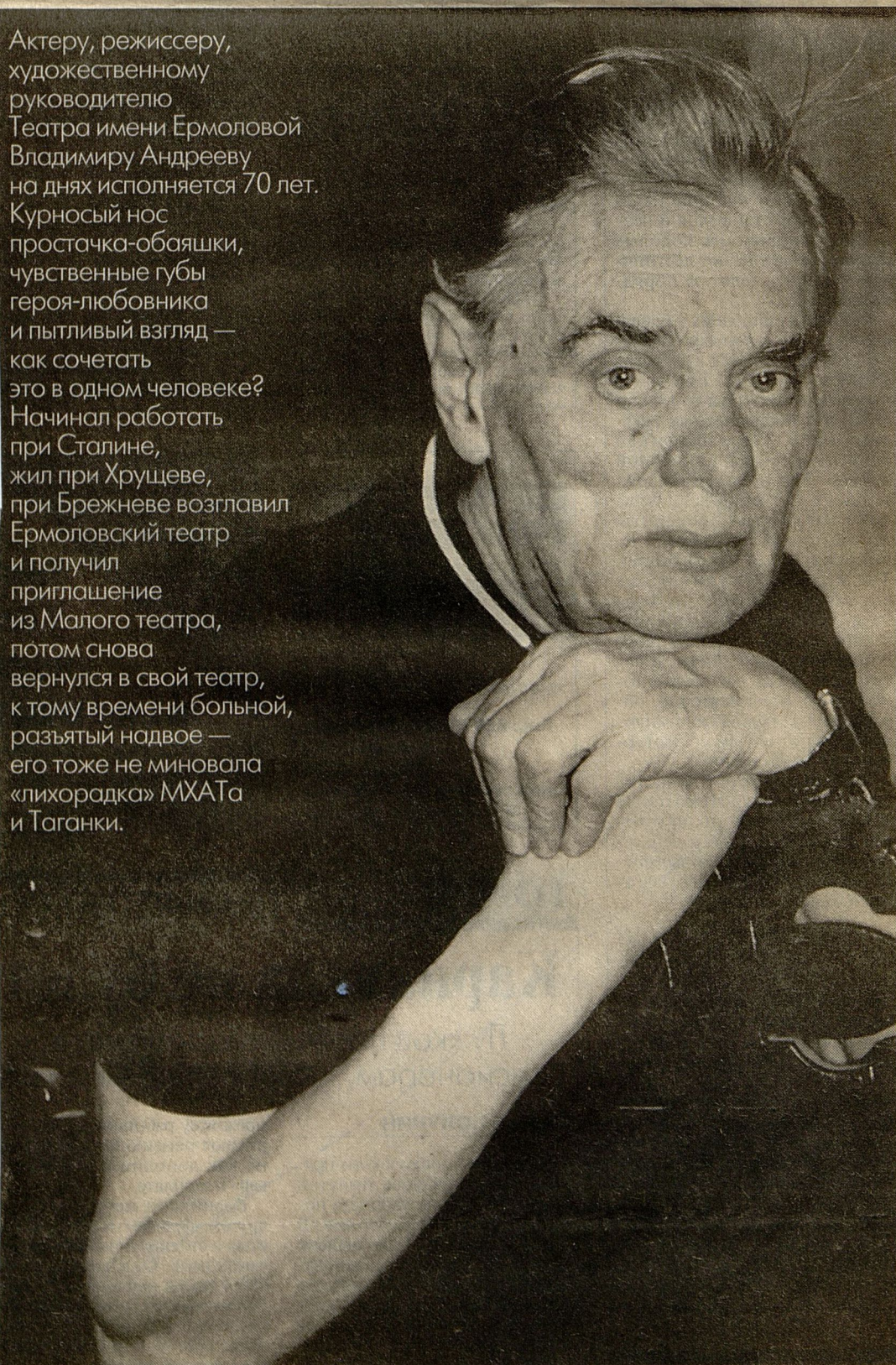

Владимир
АНДРЕЕВ:

Встреча Москва - 2000 - 23 августа - с. 4.

Подлости НЕ КОЛЛЕКЦИОНИРУЮ

Актеру, режиссеру, художественному руководителю Театра имени Ермоловой Владимиру Андрееву на днях исполняется 70 лет. Курносый нос, простачка-обаяшки, чувственные губы героя-любовника и пытливый взгляд — как сочетать это в одном человеке? Начинать работать при Сталине, жил при Хрущеве, при Брежневле возглавил Ермоловский театр и получил приглашение из Малого театра, потом снова вернулся в свой театр, к тому времени больной, разъятый надвое — его тоже не миновала «лихорадка» МХАТа и Таганки.

Анна КУЗНЕЦОВА

— Как вы умудрились ладить со всеми режимами?

— Во все времена важно сохранять уважение к самому себе, а это значит — честно делать свое дело. Вот накануне нашей встречи случилось трагическое происшествие на Пушкинской площади. Что я могу сделать? Могу создать спектакль, призывающий к человечности. Конечно, надо противостоять безумию. Когда я перевожу телевизионный пульт с канала на канал, когда каждое мгновение льется кровь, кровь, кровь... одно насилие следует за другим, и это внедряется в сознание — страшно!

Я вот сейчас читаю убиенного Александра Меня: это ведь не просто рассказ о том, как возникли религии, вера, это — кладезь знаний о душе человеческой. Но существует категория людей с сатанинским началом, которое сидит крепко, неисторгаемо... Когда не хватает добра и щедрости, торжествует дьявол. Один из моих учителей Андрей Александрович Гончаров говорит, что в искусстве возможен любой путь, лишь бы была свечечка в конце тоннеля. Во все времена, и в мое тоже, были деятели, которые действовали по принципу: круши и обвиняй, — это тупиковый путь. Я стараюсь не накапливать энергию ненависти. Это очень опасно.

— А в вас сильно дидактическое начало. Не раздражает оно окружающих?

— Не замечал: привычка. Все-таки более четверти века учу в ГИТИСе актеров.

— Вы никогда не делали подлостей? Не совершали поступков, за которые вам было бы стыдно?

— Я их не коллекционирую. Но память — вещь жесткая. Наверное, я мог бы выбрать из жизни что-то, за что мне неловко. Неловко — слово легонькое. Наверное, есть. Я не лукавлю, но не могу вспомнить, чтобы я чувствовал себя очень виноватым. Учителей своих не предавал, даже когда

это было выгодно. Свято чту их. Благословившую меня на сцену Варвару Николаевну Рыжову и Андрея Лобанова. И «зверье, как братьев наших меньших, я никогда не бил по голове...».

Дворянка Джуля (Андреев принес ее сюда семь лет назад, замерзающую, с улицы), подняла на меня глаза и согласно кивнула головой. Дома у Владимира Алексеевича живет ее приятель — Малыш.

— Если ты однажды был

**«Крамольные»
спектакли я ставил
тихонько.
Никогда не играл
ни в борца,
ни в диссидента**

крещен и не забыл об этом, то за жизнь вырабатывается сумма правил, которым ты следуешь. Моя жена, актриса Наталья Селезнева (она — более яркий, чем я, человек, я — пастельный, она сразу же запомнилась зрителям и по гайдаевским фильмам и по кабачку «13 стульев»), говорит про меня, что я — человек, который не забывает о своих обязанностях.

— А принципы христианского милосердия не вступают ли в противоречие с интересами дела? К примеру, в силу ли возраста или других причин кто-то из актеров стал тормозом — что тогда?

Досье «ВМ»

Владимир Андреев, актер, худрук Театра имени Ермоловой. Играл в спектакле по пьесе Леонида Зорина, написанной в продолжение «Варшавской мелодии».

Недавно в Америке сыграл одновременно доктора Дымова и Чехова в «Даме с собачкой», которую поставили специально для него.

Только что отснялся в трех фильмах. В одном — у Ярополка Лапшина «На полпути к Парижу» — играет русского ученого, которому не нашлось места на Родине. А у своего ученика Тимофея Спивака — Бабу-ягу!

Начались репетиции «Царя Максимилиана» по пьесе Алексея Ремизова, премьера которого назначена на 9 сентября.

— Иногда мне удается избавиться от эдакого тругня, который во вред делу. Но излишняя жалость к людям мне действительно часто мешает. Иные руководители значительно жестче меня. Им порой удается достигать более успешных результатов. Хотя где тот аршин, который меряет, больше ли, меньше ты достиг?

— Вот вы сами и задали тот вопрос, который мне хотелось бы вам задать...

— Когда позвонила из Иркутска мама Саши Вампилова (по Вампилову Андреев поставил спектакль «Прошлым летом в Чулимске» — А.К.). Анастасия Прокопьевна Копылова-Вампилова, мне было дорого, что она обо мне помнила. И дороже многих наград ее подпись на уже посмертном издании Вампилова.

Дюрренматта ставил, когда он был запрещенный автор. И «Берег» Бондарева в Малом театре, когда сам факт общения с эмигрантом, был крамолью. Тихонько ставил. Никогда не играл ни в борца, ни в диссидента.

— А как вы относитесь к вашему званию — Народный артист Советского Союза?

— Иные стесняются его. А чего стыдиться?! Это вовсе не означает, что я хотел бы возвращения режима. Званием я горжусь не меньше, чем присвоенным мне орден

«За заслуги перед Отечеством». Так же, как не боюсь обвинений в консерватизме, оно вовсе не аналог реакционности.

Мы сидим в служебном кабинете Андреева. В нем нет портретов самого хозяина. Разве что один — причудливое красивое лицо, в котором и не узнать андреевского.

В кресле — Джулька. В театре рассказывают анекдотический случай: готовилось заседание художественного совета, члены его рассаживались, места не хватало, и кто-то согнал Джульку. Андреев остановил: пожалуйста, давайте найдем вам другое место...